

ОТЪ КОГО ЗЛО ВЪ МІРѢ И ДЛЯ ЧЕГО ОНО ДО- ПУСКАЕТСЯ БОГОМЪ.

Зло само по себѣ зависитъ отъ насъ, таковы: неправда, распутство, неразуміе, робость, зависть, убійства, отравы, лживыя дѣла, и всѣ однородные съ ними недостатки, которые оскверняютъ душу, созданную по образу Сотворившаго, обыкновенно помрачаютъ ея красоту. Еще зломъ называемъ, что для насъ трудно и болѣзненно для ошущенія: тѣлесную болѣзнь, тѣлесныя раны, недостатокъ необходимаго, безславіе, ущербъ имѣнія, потерю родныхъ. Между тѣмъ каждое изъ сихъ бѣдствій мудрый и благій Владыка посылаетъ намъ къ нашей же пользѣ. Богатство отнимаетъ у тѣхъ, которые употребляютъ его худо, и тѣмъ сокрушаетъ орудіе ихъ неправды. Болѣзнь насылаетъ тѣмъ, кому полезнѣе имѣть связанные члены, нежели безпрепятственно устремляться на грѣхъ. Смерть насылаетъ на тѣхъ, которые достигли предѣла жизни, какой отъ начала положенъ въ праведномъ судѣ Бога, издалека предусмотрѣвшаго, что полезно для каждаго изъ насъ.

Болѣзни въ городахъ и народахъ, сухость въ воздухѣ, неплодіе земли, и бѣдствія, встрѣчающіяся къ каждымъ въ жизни, пресѣкаютъ возрастаніе грѣха. И всякое зло такого рода посылается отъ Бога, чтобы предотвратить порожденіе истинныхъ золъ. Ибо и тѣлесныя страданія и внѣшнія бѣдствія измышлены къ обузданію грѣха. Итакъ Богъ истребляетъ зло, а не отъ Бога зло. И врачъ истребляетъ болѣзнь, а не влагаетъ ее въ тѣло. Разрушенія же городовъ, землетрясенія, наводненія, гибель воинствъ, кораблекрушенія, всякое истребленіе многихъ людей, случающееся отъ земли, или моря, или воздуха, или огня, или какой бы то ни было причины, бывають для того, чтобъ уцѣломудрить оставшихся; потому что Богъ всенародные пороки уцѣломудриваетъ всенародными казнями. Посему въ собственномъ смыслѣ зло, то-есть, грѣхъ,—это зло наиболѣе достойное сего наименованія, зависитъ отъ на-

шего произволенія; потому что въ нашей волѣ—или удержаться отъ порока или быть порочнымъ. А изъ прочихъ золь, инья какъ подвиги, бывають нужны къ показанію мужества, напрімѣръ, Іову лишеніе дѣтей, истребленіе всего богатства въ одно мгновеніе времени и пораженіе гнойными струпьями; а инья посылаются, какъ врачевство отъ грѣховъ, напрімѣръ, Давиду домашній позоръ служитъ наказаніемъ за незаконное вожделѣніе. И еще знаемъ странія казни другого рода, насылаемая праведнымъ судомъ Божиимъ, чтобъ поползновенныхъ на грѣхъ сдѣлать цѣломудренными. Напрімѣръ Даѳанъ и Авиронъ были пожраны землею въ разверстыя подъ ними бездны и пропасти. Ибо здѣсь таковымъ родомъ наказанія не сами они приводились къ исправленію (возможно ли это для сошедшихъ во адъ?), но примѣромъ своимъ сдѣлали цѣломудренными прочихъ. Такъ и фараонъ потопленъ былъ со всѣмъ войскомъ. Такъ истреблены и прежніе жители Палестины.

(Изъ твореній св. Василія Великаго).

СЪ КѢМЪ МЫ ВОЮЕМЪ?

Сохранилось, братіе, древнее церковное преданіе, которое повѣствуетъ, что нѣкогда, и именно въ седьмой день творенія, Богъ вводилъ первороднаго Сына Своего, Упостасную Премудрость и Зиждителя, „во вселенную, и рекъ: да поклонятся Ему вси ангели Божіи“ (Евр. 1 гл. 6 ст.), и тогда одинъ изъ старѣйшихъ ангеловъ, свѣтлая Денница, увлекшись духомъ непокорства, впалъ въ самоувереніе и зависть и не восхотѣлъ поклониться Единородному Сыну Божію.

Это было первое возстаніе противъ Бога, начало брани, которая впервые произошла въ высшихъ небесныхъ обителяхъ у самаго престола Вседержителя, и за первымъ виновникомъ брани отторглась отъ Бога и „третія часть“ чистѣйшихъ духовъ ангельскаго міра. Но въ то время, когда эти мятежные духи возстали противъ Бога, предстоящій престолу Божію архангелъ Михаилъ собралъ оставшихся вѣрными Богу ангеловъ и воззвалъ къ нимъ: „Вонмемъ! Станемъ добрѣ предъ Сотворившимъ насъ и не помыслимъ противная Богу“. И произошла на небѣ брань. „Михаилъ и ангелы его брань сотвориша со змїемъ, и змїй брася и ангелы его“ (Апок. 12 г. 7 ст.). Сатана не могъ устоять противъ архи-

стратига Господня и воинства его: „*поверженъ бысть... диаволь и сатана, и поверженъ бысть на землю, и ангели его съ нимъ низвержени быша*“ (Апок. 12 гл. 9 ст.).

Братіе хрістіане! Святая Церковь призываетъ всѣхъ насъ къ постоянной брани съ тѣмъ же исконнымъ врагомъ неба и земли—діаволомъ и чиновными ангелами его. И наша брань „*нѣсть... къ крови и плоти, но къ началамъ и ко властемъ, и къ миродержителямъ тмы вѣка сего, къ духовомъ злобы поднебеснымъ*“ (Еф. VI гл. 12 ст.).

Со времени сверженія сатаны и ангеловъ его съ неба началась и продолжается эта брань въ мірѣ земномъ и поднебесномъ. Врагъ, побѣжденный въ областяхъ небесныхъ, еще съ большей яростію и ожесточеніемъ возобновилъ брань свою, перенесши ее на землю. Этотъ духъ злобы посѣялъ сѣмя зла въ сердцахъ первыхъ людей; насадилъ въ людяхъ такое безвѣріе и пороки, что потребовались воды потопа, чтобы смыть ихъ; дѣло рукъ его—идолопоклонство и суевѣрія древняго міра,—онъ же виновникъ и ослѣпленія Евреевъ—народа Божія, пригвоздившаго ко кресту Царя своего и Бога... Но пригвожденіемъ ко кресту Того, Кому въ день паденія своего не восхотѣлъ покориться, онъ самъ себѣ нанесъ ударъ „во главу“. Это вторичное поражение довело ярость діавола до крайней степени. Ослабленный Крестомъ Хрістовымъ, врагъ нашъ „*яко левъ рыкая ходитъ, искій кого поглотити*“ (1 Петр. 5 гл. 8 ст.), „*видый, яко время мало имать*“ (Апок. 12 гл. 3 ст.).

Но что за цѣль этой діавольской брани?

Распространеніе зла въ Царствѣ Божіемъ, истребленіе вѣры въ людяхъ, плѣненіе человѣческаго рода въ свое царство—царство тмы и вѣчной погибели. Діаволь будучи самъ обреченъ на погибель, старается привлечь къ погибели и другія духовныя существа.

Презрѣвъ добро и породивъ зло, онъ мыслить и творить только злое, такъ какъ зло, какъ и добро, въ себѣ самомъ имѣетъ силу и непреоборимое побужденіе шириться и распространяться.

Какая цѣль брани съ нашей стороны?

Пресѣченіе зла, широкимъ потокомъ разливагося въ мірѣ, побѣда надъ грѣхомъ и смертью, торжество вѣры хрістіанской и Царства Божія на землѣ, достиженіе вѣчнаго спасенія и блаженства на небесахъ.

Для хрістіанина нѣтъ ничего цѣннѣе благодатной вѣры, безъ которой „*невозможно угодити Богу*“. Въ духовной жизни чело- вѣка вѣра такъ же необходима, какъ свѣтъ, пища и покой въ жизни тѣла. Зная важность вѣры для души человѣческой, врагъ нашъ и направляетъ удары коварства своего, чтобы истребить

вѣру въ сердцахъ нашихъ. Онъ старается погасить въ людяхъ свѣтъ истинной живой вѣры, посявая въ нихъ ереси и расколы, ослѣпляя умы извращенными понятіями о Богѣ и мірѣ; онъ насаждаетъ въ сердцахъ людей плевелы невѣрія, маловѣрія и вольнодумства; заражаетъ гордостію умъ человѣческой, заставляя его надменно отвергать все сверхъестественное,—непостижимыя, спасительныя истины вѣры—откровеніе, искупленіе, таинства и вѣру въ загробную жизнь. Сатана съ особеннымъ коварствомъ и съ наибольшей силой нападаетъ на насъ, чтобы поколебать самое основаніе вѣры въ сердцахъ нашихъ, ложнымъ блескомъ временнаго и тлѣннаго отвлекая умы и сердца наши отъ невидимаго, но вѣчнаго и непреходящаго. И горе человѣку, покинувшему спасительный якорь вѣры! Онъ, какъ корабль безъ руля, носится по бушующему житейскому морю, не находя для себя ни въ этой жизни тихаго пристанища, ни надежды на покой въ жизни будущей. Безъ вѣры для человѣка уже нѣтъ ничего святого, ничего, что бы могло удержать его отъ злыхъ дѣлъ. Для него совѣсть, честь, благородство, любовь и другія принадлежности богоподобной души—одни пустые звуки, не имѣющіе ровно никакой цѣны и обязательности. Утратившій вѣру впадаетъ въ полную нравственную разнузданность, увлекается въ рабство плотскимъ страстямъ и служеніе похотямъ своимъ,—покоряется царству зла, съ которымъ разумный человѣкъ долженъ вести неустанную борьбу. Поэтому-то воинъ Христовъ особенно крѣпко долженъ стоять за вѣру свою, вѣру спасительную и богоданную, ограждая ее отъ злоухищреній дьявольскихъ.

Ведя борьбу съ дьяволомъ за вѣру, христіанинъ, „яко добръ воинъ Христовъ“, воинствуетъ и за Царя царствующихъ и Господа господствующихъ—Иисуса Христа и Его царство. Царство Христово—царство вѣчное, владычество Христово—всемірное, но главнымъ образомъ оно раскрывается въ благодатномъ союзѣ святой Церкви. Члены земной Церкви, подобно Церкви небесной, должны пребывать въ любви, мірѣ, единомыслии, согласіи, соединеніи въ единогласномъ прославленіи Святыя Троицы, въ чистотѣ сердца и непорочности. Они должны непрестанно благодарить, славить и творить волю Царя своего, даровавшаго имъ неисчерпаемая сокровища Духа Святаго. Но лукавый духъ, врагъ Царства Христова, разстраиваетъ гармонию этого царства. Онъ производитъ соблазны и беззаконія, развращаетъ умы суетвѣріями, возбуждаетъ вражду и нестроенія, уловляетъ христіанъ „въ свою его волю“, плѣняетъ ихъ закономъ грѣховнымъ,—и тѣмъ самымъ въ царствѣ Христовомъ утверждаетъ свое мятежное владычество. На изгнаніе мятежнаго пришельца изъ ограды Церкви Христовой и должна подвигнуться рать Божія—чада Церкви Христовой.

Но ратоборствуя за царство Божіе земное, Христовы воины выступают на брань и за свое отечество небесное, куда они должны возвращаться, совершивъ земное поприще. Врагъ чело-вѣческой потому именно и называется духомъ злобы „поднебеснымъ“, что воюетъ съ нами не за тѣмъ, „чтобы послѣ побѣды чѣмъ-либо воспользоваться, но для того, чтобы насъ лишить неба“ (св. Злат.), воюетъ изъ-за небесныхъ благъ, къ наслажденію которыми взамѣнъ падшихъ ангеловъ Богъ благостію Своею изъ ничтожества воззвалъ челоуѣка. Господь Іисусъ Христосъ, сокрушивъ державу діавольскую, воззвалъ насъ изъ „области сатаны къ Богу“ (Дѣян. 26 гл. 18 ст.), завѣщавъ намъ царство небесное, благовѣстивъ намъ „свободу славы чадъ Божіихъ“ и „спосадилъ съ Собою „на высокихъ“, гдѣ Самъ „одесную Бога сядя“. Но сѣденіе это Онъ даруетъ только тому, кто побѣждаетъ врага своего: „побѣждающему“—говоритъ Христосъ—„дамъ съити со Мною на престолъ Мой, якоже и Азъ побѣдихъ и сѣдохъ со Отцемъ Моимъ на престолъ Его“ (Апок. 3 гл. 21 ст.). Врагъ челоуѣческой, хитрою лестію пытается лишить насъ свободы и славы небесной, поработачаетъ насъ себѣ, заставляя работать плотскимъ страстямъ, похотямъ и вожделѣніямъ, къ которымъ перстная природа наша весьма склонна. Поэтому-то намъ и приходится удерживать за собою отечество небесное усиленъ, нуждою, упорною бранію,—бранію „со страстьми и похотьми“, столь глубоко и столь крѣпко укоренившимися въ насъ,—„Царствіе небесное нудится“—говоритъ Слово Божіе—и только „нуждницы восхищаютъ е“ (Мѣ. 11 гл. 12 ст.). И благо христіанамъ, напрягающимъ всѣ силы богопросвѣщеннаго духа своего въ борьбѣ съ исконнымъ врагомъ своимъ. Въ будущей жизни имъ обѣщаны отъ Господа такія блага, которыхъ по слову Апостола „око не видѣ и ухо не слыша и на сердце челоуѣка не въздоша, аже уготова Богъ любящимъ Его“ (1 Кор. 2 гл. 9).

Братіе христіане! Непрестанно памятуя сколь силенъ невидимый врагъ нашъ, будемъ готовы во всеоружіи Божіи встрѣтить его и вступить съ нимъ въ брань! Подобно добрымъ воинамъ, не устранимся принять не только раны, но и самую смерть за Царствіе Божіе! Да укрѣпитъ насъ Господь во брани Своею „мышцею высокою“. Аминь.

НЕБЕСНЫЕ ПЪСТУНЫ.

Въ жизни каждаго челоуѣка и, тѣмъ болѣе, православнаго христіанина, происходятъ, едва ли не на каждомъ шагу, такія событія, въ которыхъ мало-мальски неразсѣянное вниманіе можетъ ясно усмотрѣть незримое водительство Божіе на пути души че-

ловѣческой къ уготованному ей Царству вѣчнаго блаженства. Событіями, правда, мы привыкли называть нѣчто выходящее, какъ яркое пятно, изъ общаго сѣраго фона будничной, повседневной жизни человѣка, а то, что сливается съ этимъ тусклымъ фономъ, мы или обходимъ нашимъ вниманіемъ—попросту забываемъ, какъ недостойное вниманія, или же, обозвавъ совѣмъ неумѣстнымъ и ничего не значущимъ словомъ—„случай“, стараемся о немъ забыть, потому что, съ утратой вѣры въ промыслъ Божій, не видимъ въ немъ его сокрытаго, таинственнаго смысла. Мнѣ казалось всегда непонятнымъ и страннымъ, какъ съ непомятымъ развитіемъ въ современномъ человѣкѣ чувства гордости, которое каждаго изъ насъ пытается вознести „выше тѣса стоячаго и облака ходячаго“, сотворить изъ него самодовлѣющаго авторитета, для котораго „никакой законъ не писанъ“, ибо онъ самъ себѣ законъ,—какъ съ чувствомъ этимъ уживается другое ему совершенно противоположное—чувство зависимости его, гордеца, отъ якобы безмысленнаго сцѣпленія столь же безмысленныхъ обстоятельствъ, которое именуется „случаемъ“? Однако, уживается, и человѣкъ этого, какъ-будто, не замѣчаетъ, живя въ такомъ трагическомъ противорѣчій изо дня въ день, пока... пока „громъ не грянетъ, и мужикъ не перекрестится“. Но, бываетъ и такъ,—и все чаще и чаще бываетъ,—что не крестится, и тогда...

Взгляните-ка на ежедневныя самоубійства, извѣстіями о которыхъ пестрѣютъ столичныя и провинціальныя газеты! О чемъ говорятъ они твоему уму и сердцу, дорогой читатель?...

Съ раснадомъ у насъ на Святой Руси церковной жизни, которою жили наши православные предки, мы, въ большинствѣ, совѣмъ утратили сознаніе исконно-русскаго опредѣленія взаимоотношеній Церкви Христовой и ея членовъ и отношеній ихъ къ Богу. Несложно это опредѣленіе и выражается оно въ короткихъ словахъ: „кому Церковь—не мать, тому Богъ—не отецъ“. Утративъ разумѣніе этихъ словъ, составившихся вѣковою народною мудростью на основаніи опыта жизни всего строя бытія русскаго православнаго народа, современное намъ общество настолько усигло отторгнуться отъ Церкви, что даже обязательныя ея постановленія ему стали или чужды, или вовсе неизвѣстны: Церковь осталась какъ бы въ сторонѣ, сама по себѣ, а мы, ея дѣти,—сами по себѣ. Такъ повелось у насъ на Руси не со вчерашняго дня, а уже давно, со временъ сближенія нашего съ иностранцами, на которыхъ „умники“ тѣхъ временъ приучали смотрѣть нашихъ предковъ, какъ на существа особаго высшаго порядка. Особенное же отступленіе отъ Церкви въ русскихъ людяхъ проявилось съ тѣхъ дней, когда имъ дарована была Цар-

скою милостью первая свобода—отъ крѣпостной зависимости. Съ этого времени, полегоньку да понемножку, то, что было болѣзною людей ученыхъ,—я говорю о невѣрїи, стало заражать и неученыхъ простолюдиновъ: и начали русскіе люди все больше да дальше отбиваться отъ Церкви, а теперь уже дошли до того, что почти и вовсе отъ нея отбились.

Дожили мы до такихъ денечковъ, что въ храмъ Божій и не заглядываемъ, а если и заглядываемъ, то не по нуждѣ душевной, а по старой привычкѣ; постовъ не соблюдаемъ, а праздники Божїи обратили на пьянство, на разгулъ, на богопротивныя увеселенія, на разбой да на драки.

Стономъ застонала мать-сыра земля; обагрилась она, задымилась святой кровью человѣческой, распалилась заревомъ пожаровъ, облилась горячими слезами вдовъ, сиротъ, отцовъ, матерей да самихъ богоотступниковъ—церквеотступниковъ. Судите сами: чего-жъ еще видѣть намъ съ вами, отъ мужика до барина всѣ люди русскіе, когда-то православные?..

Вотъ, однимъ-то изъ такихъ церквеотступниковъ былъ когда-то и я, мой дорогой читатель! Богоотступникомъ я, по милости Божїей, никогда не былъ, но, не отрекаясь отъ Бога, отъ Церкви Его святой отступилъ,—вотъ, ровно такъ, какъ теперь дѣлаютъ многіе изъ нашихъ, которые не хотятъ себя звать православными, а зовутся: баптистами, штундистами, пашковцами, евангелистами, старообрядцами... и мало-ли еще какими именами и названіями—гдѣ всѣхъ ихъ перечестъ? Недаромъ говорится: сколько головъ, столько и умовъ! Но опять-таки отойдя отъ Православной Церкви, я, по милости Божїей, ни въ какую секту не вступилъ, а просто сталъ жить по своей вольной волюшкѣ: куда, стало быть, глянетъ глазъ,—туда и двигаютъ ноги. И не день, и не два жилъ я такъ-то, а долгіе годы.

Но „сколько кувшину по воду ни ходить, а тамъ ему и голову сломить“,—такъ случилось со мною: „грязнулъ громъ“, и сталъ нашъ мужикъ креститься. Подошли такіе „случаи“, а Богъ то у меня разума не отнялъ,—я и подглядѣлъ, что за тѣмъ да за другимъ „случаемъ“ какъ будто стоитъ разумъ, да разумъ то такой, который на много выше моего собственнаго. Ровно такъ, какъ люди отступаютъ отъ Бога и отъ Церкви, такъ они и къ Богу съ Его Церковью возвращаются: полегоньку да понемножку, словно, ниточка съ клубочка да на клубочекъ. Только съ клубочка-то легче, чѣмъ на клубочекъ: поди тамъ, въ моткѣ то разбирай концы да петли!... Ну, словомъ, добрался я таки опять до Бога, отъ Котораго я хоть и не отступалъ, но, какъ бы, вовсе о Немъ позабылъ во дни моей молодости. А какъ добрался, такъ меня тутъ разомъ и осѣнило забытыми святоотеческими словами: „кому Церковь—не мать, тому и Богъ—не

отецъ“,—осѣнило и привело съ повинной и покаянной головой къ матушкѣ родимой, Церкви Христовой Православной. И съ той самой поры сталъ я, по милости Божіей, хоть грѣшнымъ, да вѣрнымъ и любящимъ ея сыномъ.

Первое время трудновато мнѣ, таки, было во многомъ отказаться отъ своенравной своей воли; больше же всего и духъ мой, и окружавшая меня среда возставали на посты, къ которымъ обязывала меня Церковь. Съ Великимъ Постомъ еще кое-какъ мирилось мое сердце, къ Успенскому я тоже относился довольно снисходительно; ну, а середамъ да пятницамъ, посту Рождественскому, особенно же, Апостольскому Петровскому, я никакъ не хотѣлъ подчиняться. Долго рассказывать, почему и какъ слагалось въ душѣ моей такое противодѣйствіе: съ этой тьмой всякихъ причинъ и препятствій знакома, надо думать, всякая православная душа, сперва блуждавшая по распутіямъ и похотямъ міра, а затѣмъ выбравшаяся на путь спасительный и добрый Церкви Христовой. Скажу покороче: послѣ перваго Великаго поста, проведеннаго въ отношеніи пищи по православному, когда приблизился Петровскій постъ, я въ день заговѣнъ опредѣленно и рѣшительно заявилъ своимъ домашнимъ, чтобы мнѣ на завтра и во весь постъ готовили скоромное. Такое распоряженіе въ домѣ никого не удивило да и удивить не могло: удивляло развѣ только то, какъ это я и Великій постъ умудрился выдержать, никогда прежде не соблюдавъ никакихъ постовъ.

Отдавъ такое распоряженіе, я и думать о немъ забылъ. Было у меня тогда на рукахъ большое собственное сельское хозяйство, кончался сѣнокосъ; наступала страда деревенская—рабочая пора. Кто жилъ на сельскомъ хозяйствѣ, тому хорошо извѣстно, чѣмъ заняты въ такое время бываютъ мысли хозяина: духовнымъ помысламъ нѣтъ ни времени, ни мѣста—успѣвай только поворачиваться хозяинъ! Такъ было на ту пору и со мною.

Помолился я съ вечера кануна Петровскаго поста кое-какъ, съ грѣхомъ пополамъ, Богу, да и легъ спать. О Петровскомъ постѣ я и думать забылъ, забылъ, конечно, и о своемъ рѣшеніи ѣсть постомъ скоромное; заснулъ съ думами только о своемъ хозяйствѣ. И вотъ что подъ утро привидѣлось мнѣ въ сонномъ видѣніи, котораго я и по-сейчасъ забыть не могу.

Вижу я: будто я ѣду въ Москвѣ на извозикѣ, и лежитъ путь мой по площади Страстнаго Монастыря у самого тротуара, что у святыхъ монастырскихъ воротъ. Смотрю: у святыхъ воротъ открыта часовня, и изъ часовни блеснули на меня огоньки лампадокъ, затепленныхъ предъ Св. иконами. Мгновенно явилась у меня въ головѣ мысль забѣжать въ часовню, поставить свѣчку Царицѣ Небесной, приложиться и тогда уже продолжать дальнѣйшій путь свой на извозикѣ. Вздумано—сдѣлано. Остановилъ

я извощика, соскочилъ съ пролетки, купилъ свѣчку у какой-то старушки монахини, сидѣвшей за свѣчнымъ прилавкомъ, приложился къ Страстной иконѣ и уже собирался выйти изъ часовни,—какъ новая, внезапная мысль удержала меня у свѣчнаго прилавка.

— „Матушка!“—обратился я къ монахинѣ: „нѣтъ ли у васъ здѣсь купить мнѣ житіе какого-нибудь святаго?“

— „Есть, батюшка ты мой, есть: на—пожалуйте!“

И старушка подала мнѣ изъ-за прилавка довольно толстую, переплетенную книгу въ розовой обложкѣ, на которой крупнымъ шрифтомъ было напечатано:

Житіе иже во святыхъ отца нашего,

Преподобнаго

Макарія Желтоводскаго.

Я и записываю теперъ заголовокъ этотъ точь въ точь такъ, какъ я его тогда во снѣ видѣлъ.

Взялъ я книгу эту, посмотрѣлъ на нее, досталъ изъ кошелька трехрублевую бумажку, подаль ее монахинѣ и спрашиваю:

— „Довольно ли будетъ этого за книгу?“

— „Довольно, батюшка!“

Отдаю я книгу монахинѣ съ тѣмъ, чтобы она мнѣ ее завернула въ бумагу, и тутъ нечаянно мой взглядъ упалъ на оборотный листъ обложки, и на немъ я увидѣлъ напечатанную цѣну книги:

2 р. 50 к.

Вишь, подумалъ я: хоть и монахиня, а вмѣсто этой цѣны три рубля взять съ меня не постѣснилась! Но я тутъ же упрекнулъ себя за мысль эту: монастырю жъ пойдетъ лишній мой полтинникъ—разсудилъ я и не сталъ объ немъ спорить.

Пока монахиня завертывала мнѣ книгу, я, вдругъ, почувствовалъ, что мнѣ хочется ѣсть: дай думаю спрошу у нея,—нѣтъ ли у ней за прилавкомъ чего-нибудь съѣстнаго?

— „Матушка!“—говорю: „не найдется ли у васъ продать мнѣ колбасы съ чеснокомъ?“

— „Отчего-жъ можно. Много ли вамъ?“

— „Да, хоть съ фунтикъ“,—отвѣчаю.

Завернула монахиня книгу, нагнулась подъ прилавокъ достала колбасу, отрѣзала, свѣсила и подаетъ мнѣ кусокъ ея вмѣстѣ съ книгой, но при этомъ какъ то по особенному серьезно взглянула на меня и промолвила, глядя мнѣ сквозь глаза въ самую душу:

— „Ну, вотъ, пожалуйста! Только, батюшка, не забудьте, что я колбасу-то вамъ продала, какъ проѣзжему человѣку, въ пути сушему; а, все-жъ, не худо было бы вамъ попомнить, что, вѣдь, нынѣ-то святой постъ Апостольскій!“

На этомъ я проснулся, и когда я просыпался, то, какъ будто, еще слышалъ слова эти:

— „Вѣдь, нынѣ-то святой постъ Апостольскій“!

Слова эти заставили меня отмѣнить распоряженіе, данное наканунѣ: и постъ Петровскій я провелъ по-православному.

Впечатлѣніе отъ этого соннаго видѣнія было настолько сильно, что память о немъ, заставивъ меня соблюсти Апостольскій постъ, и послѣ того продолжала жить въ моемъ сердцѣ. Все мнѣ въ этомъ снѣ было ясно; даже какая, повидимому, несообразность, какъ покупка колбасы у монахини въ часовнѣ не нарушала внутренняго довѣрія къ благодатности сновидѣнія: мнѣ, по возвращеніи моемъ въ лоно Церкви, часто доводилось получать вразумленія отъ людей духовной жизни, чтобы я не слишкомъ горячо и рениво принимался за духовные подвиги, къ которымъ тогда стремилась новообращенная душа моя.—„Лучше ужъ“—такъ говорили мнѣ: „согрѣшить да покаяться и сознавать свое недостойнство предъ Богомъ и людьми, чѣмъ отъ внѣшнихъ подвиговъ впасть въ прелесть мнимой праведности“. И о подвигѣ поста говорили мнѣ, когда, бывало, во дни Св. Четырдесятницы, мнѣ случалось, по необходимости непрестаннаго общенія съ людьми міра, или въ пути, или на званномъ обѣдѣ, оскоромиться: „не то, что входитъ въ уста оскверняетъ человѣка, а то, что изъ устъ его исходитъ“. Многое въ томъ же родѣ говорили мнѣ опытные люди, стараясь умѣрить пылъ вновь обрѣтенной живой вѣры. Да, не на тугія вожжи приняла меня родимая мать моя—Православная Церковь! Поэтому мнѣ и не представилось нелѣпостью, что мнѣ монахиня продала колбасы, яко въ пути существу, и тѣмъ понятнѣе было и ея предостереженіе о постѣ Апостольскомъ. Но, что мнѣ совершенно не было понятно, такъ это—книга житія „иже во святыхъ отца нашего, Макарія Желтоводскаго“. Къ чему я видѣлъ во снѣ книгу эту, и кто такое былъ неизвѣстный мнѣ „угодникъ“ Макарій Желтоводскій?—вотъ что мнѣ было неясно; и, какъ таинственная и особенная загадка, сталъ этотъ вопросъ предо мною, требуя непремѣннаго разрѣшенія.

Былъ я въ концѣ того лѣта въ г. Бѣлевѣ Тульской губерніи и тамъ отъ одного мѣстнаго священника, моего добраго знакомаго, узналъ что, подъ Бѣлевымъ есть монастырь Преп. Макарія Жабынскаго, мощи котораго въ томъ монастырѣ почиваютъ подъ спудомъ. Мнѣ тутъ же представилось, что я напалъ, наконецъ, на разрѣшеніе загадки о Макарії Желтоводскомъ, и что жъ—не Желтоводскій, а Жабынскій. Вслѣдъ поѣхалъ я въ этотъ монастырь, въ увѣренности, что, спросивъ тамъ житіе Преподобнаго, я получу видѣнную мною во снѣ толстую книгу

въ розовой обложкѣ и въ ней найду отвѣтъ на неотвязный вопросъ моего сердца. Но въ монастырѣ этомъ не только печатнаго житія не оказалось, но и отвѣданныхъ мною монаховъ я никакихъ удовлетворительныхъ свидѣній объ этомъ Преподобномъ не получилъ. Рассказывалъ я свой сонъ и Бѣлевскому батюшкѣ, но и у того не нашлось объясненія для этой части моего сновидѣнія: онъ только могъ мнѣ удостовѣрить, что есть въ святыхъ Преподобный Макарій Желтоводскій, но тѣмъ свидѣнія его о немъ и были ограничены.

Прошло годъ два. Пришлось мнѣ ѣхать на Волжскомъ пароходѣ по пути съ Камы. Подъ Нижнимъ, на лѣвомъ берегу Волги я увидалъ большой монастырь; спросилъ—какой? Мнѣ отвѣтили: Макарія Унженскаго.

На ближайшей къ монастырю пристани я замѣтилъ монахиню—сборщицу. Смотрю: на тарелочкѣ, съ которою собирала монахиня, лежитъ небольшой образокъ какого-то Божьяго угодника. Я положилъ на тарелку сколько-то мелочи и спрашиваю:

— „Чей это, матушка, образокъ?“

— „Нашего угодника—Преподобнаго Макарія Желтоводскаго онъ же и Унженскій“,—отвѣтила мнѣ монахиня.

У меня даже сердце забилось.

— „Продайте мнѣ его“, говорю: „матушка!“

— „Да, вѣдь, онъ непроданный—онъ мнѣ данъ въ спутники по сбору!“

— „Нужды нѣтъ“, возражаю я монахинѣ: „вы у себя тутъ дома—другой можете получить, а мнѣ этотъ Преподобный очень дорогъ, и для меня образокъ этотъ важно получить, именно изъ его монастыря и изъ рукъ его послушницы“.

— „Ну, что-жъ батюшка! Видно, Преподобному такъ угодно: извольте получить!“ Сказала монахиня и подала мнѣ образокъ. Не хотѣла раба Божья, и денегъ брать за него, но я бросилъ ей на тарелочку рубль и поскорѣе съ сокровищемъ этимъ на пароходъ, который уже начиналъ отваливать отъ пристани.

Образокъ Божьяго угодника я, такимъ образомъ, получилъ, но не получилъ отвѣта на мой вопросъ, который продолжалъ оставаться для меня таинственной загадкой.

Еще прошло годъ два. Наступило лѣто 1907 года. Мы съ женой жили въ то время въ городѣ Валдаѣ и часто посѣщали знаменитый Валдайскій Иверскій монастырь, устроенный Патриархомъ Никономъ. Съ осени 1906 года мы стали ежедневно читать житія Святыхъ въ Четь-Минеяхъ Святителя Димитрія Ростовскаго. Такъ, не измѣняя этому доброму обыкновению, дожили мы до 25 Юля 1907 года. Какъ нарочно, въ предшествующіе два

дня и въ самое 25 е Іюля, случились такія обстоятельства въ нашей домашней жизни, что мы три вечера подрядъ Четь Миней не читали. 26 Іюля мы изъ Валдая уѣхали поговѣть въ Иверскій монастырь и взяли съ собою Іюльскую книгу житій Святыхъ. Между службами въ монастырѣ у насъ были свободные часы отъ всякихъ занятій: я взялся за Минею, сталъ читать пропущенныя житія и тутъ впервые за время, протекшее отъ видѣннаго сна до 25 Іюля 1907 года, увидаль, что этотъ день и есть день памяти Преподобнаго Макарія Желтоводскаго. И, вотъ, что я прочель, между прочимъ, въ житіи этого Божьяго угодника:

...И помолившись Богу, и возложивъ на Него все упованіе, пошелъ Преподобный со ввѣренными ему людьми по лѣсамъ и по болотамъ непроходимымъ: все это ради тѣхъ людей и изъ боязни жестокихъ агарянъ. И былъ тогда мѣсяць Іюнь. Много дней шли они, и не хватило у нихъ хлѣба, и великая была скорбь изнемогающихъ отъ голода: ничего уже у нихъ не оставалось съѣдобнаго. И, вотъ, по Божьему смотрѣнію и по молитвамъ Преподобнаго своего спутника, Макарія, нашли люди въ нѣкоторомъ тѣсномъ мѣстѣ дикаго звѣря, именуемаго лосемъ, и захватили его живьемъ, и хотѣли уже его зарѣзать себѣ въ пищу, и просили у святаго отца благословенія и разрѣшенія поста: былъ же то постъ Апостольскій, и еще три дня оставалось до праздника Святыхъ Первоверховныхъ Апостоловъ Петра и Павла. Преподобный же не благословилъ имъ нарушать поста, установленнаго Святою Церквію, но велѣлъ терпѣливо ожидать дня праздника Апостольскаго“...

Такъ, вотъ, спустя уже сколько лѣтъ, и уразумѣлъ я, почему въ ночь кануна Петрова поста я видѣлъ во снѣ книгу житія Преподобнаго Макарія Желтоводскаго.

Не всякому сну вѣрь, но объ этомъ поразмысли-ка, боголюбивый мой читатель!

Сергей Нилусъ.

1 Мая 1909 г.
Оптина Пустынь.

ВЪ СПАСОВЪ ДЕНЬ.

Крестный ходъ, сопровождаемый пѣніемъ священныхъ пѣснопѣній, медленно подвигался къ рѣкѣ. Священнослужители въ бѣлыхъ ризахъ подъ трезвонъ колоколовъ величаво шествовали, спускаясь подъ гору, гдѣ блестяла на солнышкѣ, покрываясь рябинками, рѣка... Близъ дороги, на обрывѣ, стоялъ небольшой красный домикъ съ мезониномъ. Окна этого домика были растворены и въ нихъ видѣлись молодя, слегка опушившіяся лица,

по наружности изъ интеллигенціи. На нихъ замѣтно было какъ бы написанное горделивое, критически насмѣшливое любопытство. Недалеко отъ этого домика я остановился вмѣстѣ съ другими богомольцами, въ веселіи сердца любуясь пріятнымъ и живымъ видомъ толпы, колыхавшейся подобно спѣлой ржи, поддуваемой вѣтеркомъ.

Мнѣ какъ-то хотѣлось посмотрѣть со стороны и словить тотъ великій моментъ, когда погружался св. крестъ и когда въ толпѣ чувствовалось, что ангелъ Господень сходилъ и возмущалъ воду, призывая къ ней всѣхъ чающихъ ея движенія, чтобъ дать возможность имъ омыться во здравіе и освященіе бrenнаго тѣла.. Только что остановился я съ этой цѣлью, какъ вдругъ ощутилъ на себѣ вѣяніе духа злобы. Изъ раскрытаго окна послышался хрипловатый голосъ: „Что смотрите? Не видали что ли тряпокъ-то? Дурачье!“. Взрывъ смѣха былъ отвѣтомъ на этотъ окликъ. Мы оглянулись. Любопытствующихъ лицъ не было видно въ окнѣ. Видимо кто-то въ комнатѣ привлекъ ихъ вниманіе и отдалилъ отъ окна.

— „Вотъ—наша святая вода! Освящайтесь!“—продолжалъ тотъ же голосъ и вслѣдъ затѣмъ запѣлъ: „нынѣ наста время всѣхъ опьяняющее“... И дикій хохотъ разнесся по окрестности и навѣрно былъ слышенъ у рѣки... Я почувствовалъ внутри какое-то озлобленіе на столь наглое кощунство. Обидно было, что не пожалѣли, несчастные, отравить у многихъ вѣрующихъ то высокое религіозное наслажденіе, какое доставляетъ единственную отраду темному мужичку въ его сѣрой, безцвѣтной жизни.

Мнѣ стало понятно тогда и то народное возбужденіе, какое нерѣдко бываетъ при подобныхъ случаяхъ, дѣлаясь иногда даже причиной кровопролитій...

— „О, Господи! до чего дошла эта вольность!“—вздохнувъ промолвилъ стоявшій рядомъ со мной старичокъ. Я посмотрѣлъ на него. Глубокій, печальный взглядъ, но замѣчательно кроткій, испытующе посмотрѣлъ на меня. Казалось, онъ хотѣлъ узнать, что у меня на душѣ. Мнѣ стало стыдно за свое озлобленіе. Невольно вспомнился „крестный путь“, когда торжествующее зло услышало отъ воплотившейся Кротости только: „Отче! прости имъ, не вѣдятъ бо, что творять“... Незлобивая Кротость восторжествовала надъ злобой. Вотъ и теперъ видимы плоды этого торжества, слѣды этой власти.

Тамъ подъ горой, на рѣкѣ погружался Св. Крестъ, Который всей твари вселялъ надежду, что она будетъ освобождена отъ рабства *тлѣннѣю* въ свободу славы чадъ Божіихъ... Покажи, человекъ, свою твердую вѣру и ты узришь явные слѣды этого избавленія: вода, нерѣдко вредящая тебѣ,—будетъ для тебя цѣлительной... О, глубина премудрости и благодати Божіей!..

— „Вотъ, до чего дошла эта вольность! помолчавъ, заговорилъ снова старикъ. И помолиться не даютъ спокойно: словно то время настало, какъ мучили святыхъ! Да это еще учителя! Вотъ то научать ребятишекъ добру да разуму! Чему вотъ тутъ научатся? Грамотѣ да пьянству! Еще бы ничего, если бы неграмотный пилъ, а то вѣдь грамотный: видитъ вѣдь онъ, несчастный, слово-то Божіе! Сказано: „не упивайтесь виномъ“, а онъ упивается и другихъ къ тому соблазняетъ.

Вотъ какъ посмотришь на подростковъ, такъ просто жалость забираетъ. Вѣдь они въ школѣ привыкаютъ къ учителю, смотрятъ на него какъ на примѣръ и во всемъ подражаютъ. А гдѣ мальчишкѣ разобраться: что хорошо, что худо? Учитель пьетъ, индо батюшко пьетъ, татка да мамка пьютъ—отчего и ему не пить? Вотъ у насъ какъ поучатся въ школѣ годъ—всѣ еще хорошо, а какъ на другой перевалило, такъ ужъ и табакъ начинается курить и водку пить. Тогда только знай, что ключъ отъ амбара подальше прячь, а то скоро весь хлѣбъ переведутъ на вино, да на табакъ... А что будетъ изъ этакихъ малышей, какъ подростутъ?.. Страшно и подумать! Иногда и сами родители поятъ ихъ виномъ. Пошлютъ за виномъ, а за то, что принесутъ, и поятъ этимъ зельемъ. И вотъ напьются такіе, у которыхъ еще материнское молоко на губахъ не подсохло, и шатаясь распѣваютъ „матужныя“ пѣсни (т. е. пѣсни со скверными словами). Каково это видѣтъ намъ, старикамъ? Вѣдь болитъ наше сердце-то за эту порчу“...

— „Что-жъ, боролись бы какъ нибудь съ этимъ зломъ?“ сказалъ я, когда старичекъ замолчалъ.

— „Боролись! Да какъ тутъ станешь бороться, когда ни стариковъ, ни отца духовнаго и слушать не хотятъ? Эти вотъ пьяницы,—указывая на домъ, гдѣ сидѣли учителя, говорилъ старикъ,—до того довели православныхъ, что хоть не живи на свѣтѣ. Вѣдь вотъ ни одного праздника они не пропустятъ, на всякій сходятъ, а тамъ что дѣлаютъ? Пьютъ, да свое дѣло ведутъ. Подъ пьяную лавочку они быстро сходятся съ мужиками, а особенно съ молодыми парнями, пьютъ съ ними вмѣстѣхъ, а, самъ знаешь,—собутельники—друзья, вотъ они и пользуются случаемъ, заводятъ разговоръ, а ужъ тутъ долго-ли мужика—неуча перестроить на свой ладъ, а тѣмъ болѣе молодыхъ ребятъ? Я слыхалъ, что они похваляются „такимъ манеромъ“ перевернуть всю матушку Русь православную.

— Охъ, православные, православные!—тяжело вздохнувъ, прибавилъ старичекъ,—ужъ и голову то спалили въ винѣ, а тутъ еще „ради ¹⁾ пьянства“ продаемъ и православную вѣру! Охъ,

¹⁾ „Изъ-за пьянства.

тяжкій грѣхъ мы на душу беремъ, что слушаемъ враговъ Христовой вѣры. Недаромъ годъ отъ году тяжелѣе живется... И до чего дошло? Въ избу придуть, какъ татары, шапки даже не снимуть, а гдѣ ужъ тутъ молиться, даромъ что икона святая въ углу?! А мимо церкви проходятъ, ужъ не снимуть шапки не помолятся. Да еще хуже бываетъ! Съ гармоньями, да съ уханьемъ или пѣснями проходятъ. Ничего святого для нихъ не стало. А кто всему этому научилъ? Мы въ старину ничего подобнаго даже и не слышали? Отъ кого же вѣдь больше, какъ не отъ этихъ... Губятъ они Россію матушку, нарушаютъ хорошіе нравы да обычаи... Говорятъ, въ этомъ и просвѣщенъе, что отъ Бога, да отъ старины отойти! Ужъ если такъ просвѣщать начнутъ, то не „больно“ свѣтло будетъ на Русской землѣ. Какъ „совѣстливыхъ“ глазъ, которые отъ Бога, не будетъ, то ужъ съ безстыжими, да съ безсовѣстными—и жить то поди не свѣтло будетъ“...

Крестный ходъ возвращался обратно и мой собесѣдникъ вмѣстѣ съ толпой скоро скрылся, найдя пристанище въ церкви, чтобъ тамъ успокоиться, и излить свою старческую жалобу Царю Небесному...

Псаломщикъ Клавдій Булыгинъ.

15 Іюля, 1908 года.

ВЪ КНИЖНОМЪ СКЛАДѢ Братства Всемилоствиваго Спаса ИМѢЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ ИЗДАНІЯ:

Поученія протоіерея Іоанна Кронштадтскаго 15 коп.	Тоже 10 коп.
Поученія его же 5 коп.	Мысли о Богослуженіи. Прот. І. Сергіева 20 коп.
Поученія его же 10 коп.	Житія свитыхъ 15 коп.
Десять бесѣдъ о покаяніи 15 коп.	Тоже 30 коп.
Житіе преподобнаго Серафима Саровскаго 5 коп.	Житіе святителя Стефана Пермскаго 30 коп.
Народная бібліотека, изданіе журнала „Коричій“ по 5 коп.	Письма о христіанской жизни. Епископа Теофана 60 коп.
Житіе преподобнаго Серафима Саровскаго 25 коп.	„Востани, спяй“ 30 коп.
Житіе того же угодника 15 коп.	Старець о преп. Серафимѣ Саровскомъ 15 коп.
Житіе его же 10 коп.	Тоже 10 коп.
Житіе св. Георгія Побѣдоносца 15 коп.	Св. Прокопій Устюжскій, юродивый Христа ради 15 коп.
Житіе св. Николая Мирликійскаго 25 коп.	О святомъ причащеніи 5 коп.
7 великіе подвижники 5 коп.	Голосъ православнаго христіанина 10 к.
О постахъ православной церкви. 5 коп.	Юношескіе годы св. Іоанна Златоуста 50 коп.
Св. великій постъ 5 коп.	Житіе св. благовѣрныхъ князей Бориса и Глѣба 5 коп.
Страстная седмица 5 коп.	
Житіе Святителя Феодосія Черниговскаго 1 рубль.	<i>(Продолженіе слѣдуетъ).</i>

Цензоръ прот. Н. Якубовъ.

Редакторъ свящ. Н. Комплевъ.

Типографія Свято-Троицкой Сергіевой Лавры.